

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ГЕРМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ

М.В. Домский

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул.Букирева, 15

Рассматриваются вопросы использования античных источников для изучения жизни древних германцев.

Римские источники являются наиболее ранними памятниками, содержащими описание образа жизни древних германцев. Именно это обстоятельство определяет их важность для исследования германской культуры. Далее будут рассмотрены тексты латинского происхождения, включающие оценки германской культуры. Рассмотрение именно оценочных суждений обусловлено их способностью влиять на позицию автора повествования, касающегося указанной эпохи и общности людей.

Большая часть римских авторов в оценке германцев поразительно единодушна. Их позицию передают слова Веллея Патеркула о том, что, кроме голоса и тела, германцы не имеют ничего человеческого, что им присуща «чрезвычайная дикость», что они «от рождения народ лжецов»¹. Иосиф Флавий утверждает, будто нравом своим германцы «свирепее диких зверей»². Аммиан Марцеллин именует их «неистовыми» и «спесивыми»³. Похожие характеристики можно встретить в стихах Марциала («Маска германца»)⁴ и Рутилия Намациана («Возвращение на родину»)⁵ и т.д.

Когда речь заходит о негативных чертах, которыми наделяли германцев, стоит вспомнить и свойства, приписываемые другим варварам. По мнению Аммиана Марцеллина, сходство нравов, оружия и соседство делали сарматов и квадов (германское племя) союзниками в их злодеяниях («Деяния»)⁶. Свобода в представлении сарматов – «разнузданное безрассудство», им присуща «природная свирепость», толкающая их на преступления⁷. Авзоний зовет из «вечными грабителями» («Об Августе»)⁸. Сидоний, именуя германское племя сикамбров «зверским и суровым», впадающим в «безумные вспышки зверского и дикого невежества», те же свойства приписывает и аланам⁹. Катулл Веронский, творивший в те времена, когда

Рен был еще «галльским», наделяет эпитетом «страшные» бриттанов¹⁰.

Клавдиан задается вопросом: «Кто сердцем жестче жителя Скифии?» («На бракосочетание Гонория и Марии»)¹¹, а о гуннах говорит, что «племена с худшею славой / нет под полярной звездой. Гнусный облик, грязное тело», «Тешиться рады огнем и убийством родителей клясться» («Против Руфина»)¹². Ему вторит Аммиан, утверждая, будто гунны «совсем не знают различия между честным и бесчестным», им присущи «непостоянство» и «наклонность к гневу»¹³. Они «свирепы» (Авзоний. «Об Августе»)¹⁴, ими движут «варварская несправедливость» и «страсть к обогащению» (Агафий)¹⁵.

Нечто явно неприятное для скифов хотел сказать поэт в следующих строках: «Вас обеих поить подобало бы в капищах скифских / Кровью людской...» (Клавдиан. «Похищение Прозерпины»)¹⁶. Справедливости ради следует указать на противоположное мнение Квинта Курция Руфа: «Скифы, в отличие от других варваров, имеют разум не грубый и не чуждый культуре... некоторым из них доступна мудрость. В какой мере она может быть у племени, не расстающегося с оружием»¹⁷. Подобного рода противоречия могут быть объяснены как тем, что под именем скифов подразумеваются разные этносы, так и противоречивой природой такого рода суждений.

Подобным образом описаны фракийцы – «Род проклятых мужей, что свой в преступлениях зрит долг, / Долг убивать, как жертву, людей: таков той страны нрав – / Нрав свирепых племен, что законов признать не хотят власть» (Авзоний. «Действо семи мудрецов»)¹⁸.

Васконцы – также «свирепые» «дикари», «разбойники», «жестокое жители», наделенные «зверским нравом» (Авзоний. «Ответ Павлина Авзонии»)¹⁹. Воины из Ил-

лирика «очень кровожадны, но в такой же степени тяжкодумны и не способны понять то, что говорится или делается с хитростью или коварством»²⁰. «Дикими и жестокими» зовутся народы Альп. Реты и винделики – «жестокие до свирепости»²¹. Бойи – «наиболее звероподобный кельтский народ», а кельты вообще – «дикие мужи»²².

Тем не менее многие авторы почитали германцев самым храбрым и воинственным народом в Европе²³. Однако, с меньшей частотой эти свойства приписывались и другим «действующим лицам» эпохи Великого переселения, а также предшествовавших эпох. Аммиан Марцеллин писал о пристрастии аланов к войнам: им приятны война и опасности, среди них почитались счастливыми умершие в сражении, тогда как состарившиеся либо умершие от несчастного случая преследовались оскорблениями, как «трусы и презренные люди»²⁴. Для Климента Александрийского воинственность скифов, равно как и многих других варваров, выражается в их поклонении короткому мечу, акинаку²⁵. Павсаний (II в. н.э.) указывал на галатскую «смелость», «слепую ярость», «неистовство» и «безрассудный гнев» «диких зверей» как на восполняющие недостатки воинской выучки и снаряжения²⁶. Саллюстий (I в. до н.э.) также полагал, будто галлы воинственны от природы («О заговоре Катилины»)²⁷. По мнению Страбона (I в. до н.э. – I в. н.э.), галльское племя «помешано на войне, отличается отвагой и быстро бросается в бой»²⁸. С его точки зрения, всегда племена, живущие дальше к северу и вдоль побережья океана более воинственны²⁹. Однако в дальнейшем кельты – прирожденные воины – были принуждены жить в мире «по предписаниям их покорителей»³⁰. Оттого со временем представление о них как о беспримерных храбрецах было замещено иным, отображенным в стихах Марциала: «Чтоб не мог отощать петух от чрезмерных излишеств, / Он оскоплен и теперь галлом он будет для нас» («Каплуны»)³¹.

Германцам вменяется в вину невоздержанность в употреблении вина, что видно из строк неизвестного поэта: «Здесь меж готским “eils” и “scarpia matzia ia drankan!” / Больше не смеет никто слагать хорошие строки. / С Вакхом, пьяным насквозь, боится сойтись Каллиопа, / Чтобы не сбилась в стихе трезвая муза с ноги» («Варварские пир-

шества»)³². Но таковы же и иные варвары, на что, к примеру, указывает Гораций: «Теперь некстати воздержанье: / Как дикий скиф, хочу я пить» («К Помпею Вару»)³³.

Мало чем отличаются друг от друга портреты предводителей варваров. Им наряду со смелостью вменяются дерзость, жестокость, заносчивость, безумие, безрассудство, хвастливость и дерзость. Таковы франкский король Теодиберт, вожди герулов, а также гуннов и иных племен³⁴.

В римской литературе часто можно встретить суждения о свойствах варваров в целом. О варварах вообще говорится, будто они презрели «святые нравы» и «право» (Авзоний)³⁵, что дела их безумны, а право – «всегда на стороне сильного»³⁶. Геродиан утверждал, будто «варвары по природе корыстолюбивы и, презрев опасности, либо набегами и нашествиями добывают себе необходимое для жизни, либо соглашаются на мир в обмен на большую плату»³⁷. Климент Александрийский, называя сатанинскую кару варварской, приводит примеры зверств варваров, при этом оставляя без внимания этноним как нечто несущественное («варвары, говорят, привязывают пленников к мертвым телам, пока они не сгниют вместе с ними»)³⁸. Сидоний Аполинарий в письме к Филаргию говорит: «...ты избегаешь варваров, кажущихся злыми; я бегаю даже от добрых»³⁹. Иногда «спесивыми» и «разбойниками» называются персы⁴⁰, а отнесенным к числу «дикарей» может оказаться даже Ганнибал⁴¹.

Такой взгляд на инородцев вполне укладывается в поэтическую формулировку: «на земле врагов, / Сказал я, вы мне верьте, большинство плохих» (Авзоний. «Действо семи мудрецов»)⁴². Подобного рода оценки вполне естественны для этнических стереотипов обыденного сознания, в соответствии с которыми образы инородцев наделяются утрированными негативными качествами⁴³. Пристрастность авторов может быть проиллюстрирована следующим фактом: Веллей Патеркул, говоря о кимврах и тевтонах, использует местоимения «мы» и «они»⁴⁴. Отрицательное, презрительное отношение к варварам делает невозможным непредвзятое и подробное описание низшей (варварской) культуры.

Как видно, на уровне стереотипов римского сознания германцы ничем не от-

личаются от остальной варварской периферии. В итоге возникло следующее своеобразное историческое недоразумение. Долгое время германцев и кельтов очень слабо различали. Так, Аппиан (II в.) зовет кимвров «кельтским племенем»⁴⁵. Говоря о вторжении кельтов в консульства Мария, он имеет в виду набеги кимвров и тевтонов⁴⁶. По мнению Страбона, товгены (тевтоны) представляли собою гельветское племя⁴⁷. Кроме того, Страбон утверждал, будто германцы вообще мало отличаются от кельтского племени: по телосложению, нравам и образу жизни они подобны кельтам. Эти племена, по его мнению, «не только похожи, но даже родственны». Оттого Страбон реконструирует древние нравы кельтов на основании обычаев, которые сохранились у германцев, возводя этноним «germani» к латинскому слову со значением «подлинный», что обозначает германцев как «истинных галатов»⁴⁸.

Несколько более сдержанными становятся римляне, когда речь заходит о внешнем облике германцев. Едва ли не эталоном красоты признаются германские женщины. Децим Магн Авзоний, воспитатель наследника (Грациана) при Валентиниане I, в благодарности за службу получил свевскую пленницу Биссулу⁴⁹. Ей он посвящал свои стихи, говоря о красоте «блестящей рейнских кос и золотой векши», о золотых «локнах северной девы»: «Биссулы не передашь ни воском, ни краской поддельной; / Не поддается ее природная прелесть искусству. / Изображайте других красавиц, белила и сурик! / Облика тонкость руке не доступна ничьей. О, художник, / алые розы смешай, раствори их в лилиях белых: / Цвет их воздушный и есть лица ее цвет настоящий»⁵⁰.

Несомненным достоинством германцев считалась сила и здоровье. Колумелла, писавший около 62–65 гг., полагал, что украшением Германии природа сделала войско, состоящее из солдат-великанов⁵¹. Ему вторит Иосиф Флавий и многие другие авторы⁵².

Интересно, что то же говорят о кельтах Павсаний, Аппиан и Страбон: «Все кельты были огромного роста»⁵³. Именно этим обстоятельством в сочетании с их многочисленностью и была обусловлена прежняя мощь кельтов⁵⁴. Крепость тел и пригодность к битвам воинов из Иллирика подчеркивалась Геродианом и др.⁵⁵

Стоит заметить, что все эти лестные отзывы о варварах сопряжены с полемикой внутри римского общества. Если Страбон приписывает высокий рост и телесную мощь кельтов благотворному влиянию холода⁵⁶, то Варрон (116–27 гг. до н.э.), говорит о жарком климате (т. е. о климате Италии) как о причине нездоровья⁵⁷. Сопоставления с варварами завершает Варрон, упомянув увиденных в Либурнии женщин, «которые одновременно несли дрова и кормили грудных младенцев». Он говорит, что «по сравнению с ними наши родительницы... кажутся презренными вырожденками»⁵⁸. Страбон также отмечает присущую кельтским женщинам плодовитость⁵⁹.

Что касается полемики, то она возникла не столько в связи с природой варваров, сколько в связи с упадком нравов в римском обществе. Еще Гораций (65 – 8 гг. до н.э.) говорил о забвении нравов предков, скромных в быту и одержимых умножением общей собственности. Он указывал современникам на воздержанность, трудолюбие и непритязательность создателей империи – «детей воинов-пахарей» («К римскому народу»)⁶⁰. Дифирамбы предшественникам пел и Колумелла (I в. н.э.): «Мы отдаем сельское хозяйство, как палачу на расправу, самому негодному из рабов, а при наших предках им занимались наилучшие люди и наилучшим образом». Он же обличал римлян, проводящих ночи в пьянстве и разгуле, а дни – в игре или во сне⁶¹. Плиний Старший (23/24 – 79 гг.), осуждая сумасбродство современной ему эпохи, считал самым худшим преступником того, кто первым надел золото. Он полагал счастливым время, когда товары обменивались без посредства драгоценного металла и добавлял: «...все было лучше тогда, когда было меньше средств»⁶². В письмах к Тациту Гай Плиний Цецилий Секунд восхвалял «целомудрие» Арриана Матура, Силия Италика, Бруция Клара и многих других, превознося их воздержанность в пище, скромность в одежде, беспорочность, чувство долга, справедливость и мужество. Он превозносил «нравственную чистоту» «доброе старое время», обличая город, где низость и бесчестность награждаются «больше, чем совесть и добродетель». Многих цезарей Плиний Младший представляет как противников добродетели. Таков «разбойник» Домициан. Образцом пра-

вителя для Плиния служит Траян, наделенный гуманностью, умеренностью, благосклонностью, трудолюбием и храбростью («Панегирик Траяну») ⁶³. Вряд ли стоит упоминать общеизвестные «разврат и хитрость» Клавдия Тиберия Нерона ⁶⁴. Немало обличал цезарей и Гай Светоний Транквилл (ок. 70 – ок. 140 гг.) ⁶⁵. Именно собственная распущенность побудила граждан набирать в войска варваров. Оттого «нравы испортились, свобода оказалась подавленной, усилилось стремление к обогащению» ⁶⁶. Корнелий Непот указывал на невозможность добиваться магистратуры без нарушения законов при распространившихся злоупотреблениях. Он также писал о царящем в государстве падении нравов, развращенности военачальников ⁶⁷.

Поздняя латинская литература также строится «по риторическим образцам», заимствует у Саллюстия и Тацита «моралистическую установку», что позволяет ввести в текст обширную дидактическую составляющую ⁶⁸.

Упадок римских нравов побуждал некоторых античных авторов к редким высказываниям в пользу варваров. Аппиан, описывая бесчинства гражданских войн, говорит, будто галлы (в отличие от триумвиров Августа) никому не отсекали голов, не оскорбляли убитых ⁶⁹. Сальвиан, пресвитер марсельский (вторая половина V в.), в своем произведении «Против жадности» задается вопросом: «чем мы сами лучше их (т.е. готов и вандалов), или в чем можем сравниться с ними? В отношении взаимной любви и милосердия... почти все варвары... связаны друг с другом, а у римлян почти все преследуются обоюдно». Более того, римляне «вынуждены искать убежища у неприятелей римского народа, чтобы не сделаться жертвой несправедливых преследований; они идут искать у варваров римского человеколюбия (*humanitatem*), потому что не могут перенести у римлян варварской бесчеловечности». Касаясь несправедливостей администрации и бесчеловечных поборов, он спрашивает: «Где и у кого, как не у римлян можно найти такое зло? Чья несправедливость превышает нашу? Франки не знают такого зла; его нельзя встретить и у гуннов. Ничего подобного у вандалов, ничего подобного у готов. Это зло чуждо готам до того, что даже римляне, живущие среди

них, не испытывают его на себе. Единственное желание всех римлян состоит в том, чтобы не пришлось опять когда-нибудь подпасть под римские законы. Единственная и всеобщая мечта римского простолюдина относится к тому, чтобы жить с варварами» ⁷⁰.

Таким образом, судя по источникам, римские авторы не столько описывают германское общество, сколько сравнивают его с собственным в общем для римских историков морализаторском ключе. Вероятно, в таких обстоятельствах имеет смысл говорить о подмене непредвзятого описания иной культуры ее оценкой. Помимо того, привязанность описаний варваров вообще и германских окраин в частности к внутренней жизни римского общества характеризует, скорее, само римское общество, чем тех, кого описывают римские авторы. Эти характеристики варваров не воспроизводят ничего, кроме самой системы понятий римской культуры, с которой авторы полемизируют или же которую признают.

Сосредоточенность римских авторов на римской действительности осложняется неточностью знаний об обстоятельствах жизни описываемых германских племен, обилием недостоверных данных и мифов. Так, по словам Страбона, рассказы о кимврах были либо неточны, либо совершенно невероятны ⁷¹. Варрон также упоминает мифы, сродные тем, что, осуждая, пересказывает Страбон ⁷². Для Павсания (II в.) «крайние страны Европы около моря» все еще являлись лишь экзотикой. Он говорит о том море, как о чем-то неведомом: «...животные живут в нем, совсем непохожие на животных в других морях...» ⁷³. Существует мнение, согласно которому римские авторы, включая Тацита, не были должным образом осведомлены о быте и нравах «дикой» периферии ⁷⁴.

Ко всему сказанному стоит прибавить то, что каноны античной литературы как особый фактор способны были повлиять на качество описаний германской культуры латинскими и греческими наблюдателями. Римская историческая традиция имела длительную историю, в ходе которой возникли классические формы построения повествования, ставшие нормой. Эта традиция находилась под влиянием риторики и морализирующих образцов сочинений Саллюстия, Тацита и др. Так, творчество Евтропия, от-

носящиеся к эпитомизаторской историографии IV в., строятся по строгим законам, исключая авторское видение истории. В соответствии с традицией задача автора (в данном случае – Евтропия) – показать рост римского государства. Такая цель, становясь основной целью повествования, подчиняет себе исторический материал и все остальные составляющие действительности делает несущественными. В частности, несущественными становятся обычаи народов империи⁷⁵.

Многие свойства римской традиции ярко отражены в византийской литературе, унаследовавшей многие отличительные черты предшествовавшей эпохи. Особенности ее взгляда на мир четко проявляются в описаниях героев (как положительных, так и отрицательных). Византийские авторы, продолжая античные традиции, восхваляли и обличали «в соответствии с существовавшими клише»⁷⁶. При описании героев используется ограниченный и однообразный набор обобщенных свойств. Д.С. Лихачев в применении к русской литературе обозначил такой подход как «стиль монументального историзма»⁷⁷. К примеру, набор определенных положительных персонажей ограничен традиционным фондом эпитетов вроде «мудрый» для мужчины, «красивая» для женщины и т.д. Согласно устоявшемуся в Византии канону набор эпитетов героя-иноплеменника образуют такие качества, как варварская дерзость, необузданность, жестокость, зверство⁷⁸. В русле все той же традиции жестокими, «лжецами» и «ненасытными зверями» (как вариант: «подобными зверям») Лев Диакон именовал других варваров – арабов⁷⁹. На высокомерие и наглость как на неотъемлемые свойства варваров (в данном случае – франков) указывала Анна Комнина⁸⁰.

Подобного рода ориентированность на традицию также способна оказывать влияние на подачу материала автором.

Влияние канона тем сильнее, чем теснее связи в кругу авторов. Эти связи не были слабыми: римские авторы были объединены не только традицией, они принадлежали к узкой группе элиты, находясь в дружеских или родственных отношениях. Так, Плиний Младший был родственником Плиния Старшего, поддерживал близкие отношения со Светонием и Тацитом. Вместе с последним он защищал интересы провинциалов от

проконсула Африки Мария Приста⁸¹. Афф достаточно тесно общался с Аммианом Марцеллином. Руф и Евтропий служили одному императору и т.д.

Таким образом, в разных временных срезах обнаруживается набор схожих характеристик, близких по духу к этническим стереотипам и прилагаемых попеременно к разным этносам. Авторы, предвзято относящиеся к варварской периферии, не склонны описывать и понимать презируемую ими «низшую» общность людей и потому мало отличают друг от друга варварские культуры. Помимо того, ориентированность авторов на воспроизведение «клише» книжной традиции оказывает существенное влияние на подачу материала о германцах, равно как и об иных варварах. Поэтому можно предполагать, что во всех указанных случаях имеет место в большей степени воспроизведение риторических штампов, предназначенных для описания противника или чужака, нежели описание действительных качеств германской культурной среды. Значительное содержание в текстах, повествующих о германцах, стереотипных характеристик, относящихся к варварам вообще, снижает их информационную ценность, что существенно осложняет использование данного типа источников в историко-культурном исследовании.

Примечания

¹ «Римская история» Веллея Патекула / под ред. А.И. Немировского и М.Ф. Дашкоковой. Воронеж, 1985. С. 149 – 151.

² Иосиф Флавий. Иудейская война. Минск, 1991. С. 182

³ Аммиан Марцеллин. Деяния // Историки Рима. М., 1970. С. 430, 432.

⁴ Марк Аврелий Марциал. Эпиграммы. М., 1968. С. 419.

⁵ Поздняя латинская поэзия. М., 1982. С. 287.

⁶ Аммиан Марцеллин. Деяния // Указ. соч. С. 403.

⁷ Там же. С. 409 – 410.

⁸ Поздняя латинская поэзия. С. 178.

⁹ Ешевский С. К.С. Аполлинарий Сидоний. Эпизоды из литературной и политической истории Галлии V в. М., 1855. С. 12.

¹⁰ Катулл Веронский, Гай Валерий. Книга стихотворений. М., 1986. С. 11, 19, 40.

¹¹ Поздняя латинская поэзия. М., 1982. С. 192.

¹² Там же. С. 224.

¹³ Стасюлевич М. История средневековья в ее писателях и исследованиях новейших ученых. СПб., 1863. Т.1. С. 123.

¹⁴ Поздняя латинская поэзия. С. 178.

¹⁵ Агафий. О царствовании Юстиниана. М.; Л., 1953. С. 149.

- ¹⁶ Поздняя латинская поэзия. С. 268.
- ¹⁷ *Квинт Курций Руф.* История Александра Македонского. М., 1993. С. 159 – 161.
- ¹⁸ Поздняя латинская поэзия. С. 128.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Геродиан.* История императорской власти после Марка. СПб., 1995. С. 120.
- ²¹ «Римская история» Веллея Патекула. С. 133, 135.
- ²² *Аппиан Александрийский.* Римская история. М., 2002. С. 38 – 39.
- ²³ *Иосиф Флавий.* Указ. соч. С. 182; *Павсаний.* Описание Эллады в двух томах. М., 1994. Т. 2. С. 296.
- ²⁴ *Стасюлевич М.* Указ. соч. С. 284.
- ²⁵ *Климент Александрийский.* Увещание к язычникам. СПб., 1998. С. 61.
- ²⁶ *Павсаний.* Указ. соч. Т. I. С. II, 443.
- ²⁷ *Гай Саллюстий Крисп.* Сочинения. М., 1981. С. 23.
- ²⁸ *Страбон.* География в 17-ти книгах. М., 1964. С. 186.
- ²⁹ Там же. С. 187.
- ³⁰ Там же. С. 171, 186.
- ³¹ *Марк Аврелий Марциал.* Эпиграммы. С. 380.
- ³² Поздняя латинская поэзия. С. 506.
- ³³ Античная литература. Рим: антология. М., 1988. С. 342.
- ³⁴ *Агафий.* Указ. соч. С. 25, 40 – 41, 48, 163.
- ³⁵ Поздняя латинская поэзия. С. 116.
- ³⁶ *Аммиан Марцеллин.* Указ. соч. С. 406 – 407.
- ³⁷ *Геродиан.* Указ. соч. С. 73.
- ³⁸ *Климент Александрийский.* Указ. соч. С. 21.
- ³⁹ *Ешевский С.* Указ. соч. С. 41.
- ⁴⁰ *Аммиан Марцеллин.* Указ. соч. С. 412.
- ⁴¹ *Марк Аврелий Марциал.* Указ. соч. С. 382.
- ⁴² Поздняя латинская поэзия. С. 116.
- ⁴³ *Богуславский В.М.* Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка. М., 1994. С. 32, 38 – 40.
- ⁴⁴ «Римская история» Веллея Патекула. С. 84.
- ⁴⁵ *Аппиан.* Римские войны. СПб., 1994. С. 36.
- ⁴⁶ *Аппиан Александрийский.* Римская история. С. 41.
- ⁴⁷ *Граков Б.Н., Моравский С.П., Неусыхин А.И.* Древние германцы: сб. док. М., 1937. С. 36.
- ⁴⁸ *Страбон.* Указ. соч. С. 186, 265.
- ⁴⁹ *Голенищев-Кутузов И.Н.* Средневековая латинская литература Италии. М., 1972. С. 33.
- ⁵⁰ *Марк Аврелий Марциал.* Указ. соч. С. 152, 160; Поздняя латинская поэзия. С. 83 – 84.
- ⁵¹ *Колумелла.* О сельском хозяйстве // *Катон, Варрон, Колумелла, Плиний.* О сельском хозяйстве. М.; Л., 1937. С. 167.
- ⁵² *Иосиф Флавий.* Указ. соч. С. 182.
- ⁵³ *Аппиан Александрийский.* Указ. соч. С. 41.
- ⁵⁴ *Страбон.* Указ. соч. С. 186.
- ⁵⁵ *Геродиан.* Указ. соч. С. 120.
- ⁵⁶ *Павсаний.* Указ. соч. Т. I. С. 91.
- ⁵⁷ *Варрон.* Сельское хозяйство. М.; Л., 1963. С. 332.
- ⁵⁸ Там же. С. 96.
- ⁵⁹ *Страбон.* Указ. соч. С. 171.
- ⁶⁰ Античная литература... С. 354 – 355.
- ⁶¹ *Колумелла.* Указ. соч. С. 139, 141.
- ⁶² *Плиний Старший.* Естествознание. Об искусстве. М., С. 40, 88.
- ⁶³ Письма Плиния Младшего. М.; Л., 1950. С. 13, 21, 31, 38, 35, 48, 60, 71 – 72, 79, 360.
- ⁶⁴ *Секст Аврелий Виктор.* История Рима // Римские историки IV века. М., 1997. С. 78.
- ⁶⁵ *Гай Светоний Транквили.* Жизнь двенадцати цезарей. М., 1990. С. 121 – 122, 157 – 161.
- ⁶⁶ *Секст Аврелий Виктор.* Указ. соч. С. 80.
- ⁶⁷ *Непот К.* О знаменитых полководцах. М., 1992. С. 104, 109.
- ⁶⁸ *Кареев Д.В.* Вступительная статья // Евтропий. Бrevиарий от основания города. СПб., 2001. С. 14, 129. *Самуткина Л.А.* Стиль Евтропия. // Там же. С. 278, 280.
- ⁶⁹ *Аппиан.* Римские войны. С. 297.
- ⁷⁰ *Стасюлевич М.* Указ. соч. С. 86 – 94.
- ⁷¹ *Страбон.* Указ. соч. С. 268.
- ⁷² *Варрон.* Указ. соч. С. 27.
- ⁷³ *Павсаний.* Указ. соч. Т. I. С. 25.
- ⁷⁴ *Прокопий Кесарийский.* Война с готами. О постройках. М., 1996. С. 296.
- ⁷⁵ *Кареев Д.В.* Вступительная статья // Указ. соч. С. 14, 129. *Самуткина Л.А.* Стиль Евтропия // Там же. С. 278, 280.
- ⁷⁶ *Любарский Я.Н.* Византийские историки и писатели. С. 22, 25 – 26, 39, 118.
- ⁷⁷ *Лихачев Д.С.* Человек в литературе древней Руси. М., 1970. С. 25 и след.
- ⁷⁸ *Любарский Я.Н.* Замечания об образах и художественной природе «Истории» Льва Диакона // Византийские историки и писатели. С. 150.
- ⁷⁹ *Лев Диакон.* История. М., 1988. С. 11.
- ⁸⁰ *Анна Комнина.* Алексиада. М., 1965. С. 319.
- ⁸¹ Письма Плиния Младшего. С. 50, 105.

REFLECTION OF GERMAN CULTURE IN ANCIENT SOURCES: PECULIARITIES

M.V. Domsy

Perm State University, 614990, Perm, Bukireva st., 15

Issues of use of ancient sources for study of ancient Germans' life are being analyzed.